

листических отношений в стране? Можно. И такой ответ давался уже в историко-литературных разработках 1930-х годов и был признан необоснованным, неудачным. Он был необоснован потому, что самый ход зарождения капитализма не изучали в его конкретных формах и проявлениях, а вместо этого искали прямого, непосредственного выражения буржуазной, антифеодальной, антикрепостнической идеологии в литературе и находили ее... в «Пригожей поварихе» Чулкова и «Елисее» В. Майкова.

При этом пропускалось очень важное промежуточное звено в экономике, в значительной мере определявшее своеобразие идеологической борьбы, — своеобразие, которое заключалось в том, что появление и развитие капиталистических отношений в XVIII в. только обостряло кризис крепостнических отношений, делало крестьянский вопрос еще более острой, основной, главной проблемой русской общественной жизни и мысли. Пугачевское восстание, как бы подведшее итог полувековому развитию послепетровской монархии, показало со всей очевидностью, что само по себе крестьянство — как ни велика была в нем ненависть к дворянству, к помещикам — совершить революцию не в состоянии и что другого какого-либо революционного общественного класса в России нет.

В поисках непосредственного выражения антифеодальных, антикрепостнических начал мы до сих пор тщательно изучали в русской литературе XVIII в. все, что могло быть понято как непосредственное выражение интересов «народа», т. е. крестьянства, или той или иной степени сочувствия ему. Поиски эти довольно быстро исчерпали весь наличный материал, в значительной мере известный и ранее, еще Пыпину и Ефремову, и не приходится надеяться на какие-либо новые обильные находки.

Сейчас наша наука вполне способна к большему углублению в этот аспект изучения литературы XVIII в. Мы можем и должны попытаться понять, как в литературе XVIII в. отражалось историческое состояние всей нации и особенно крестьянства, надеждами и чаяниями которого столетием позже вдохновлялась великая литература XIX в., от Пушкина до Толстого.

Думаю, что идея природного физического равенства людей, еще сомнительная, спорная для Аввакума и создателей стиха о Голубиной книге, но уже твердо усвоенная Кантемиром, в большей степени выражала стихийное недовольство масс классовым неравенством и полицейско-помещичьим гнетом и в большей мере являлась идеей антифеодальной, буржуазной в конечном счете, чем анекдоты о монахах в «Пересмешнике». Поэтому не только в творчестве Фонвизина, где эта идея выражена наглядно, хотя и негативно, но и у Сумарокова и Державина, несмотря на сословные предрассудки первого и монархические убеждения второго, отношение к человеческому в человеке как к тому, что от социального (сословного) не зависит, им не определяется, а может быть